

**И.И. Панаев, В.А. Жуковский, П. А. Вяземский, П.А.
Плетнев, А. С. Пушкин**

Современник

Том 85. Часть 1

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И.И. Панаев**
Современник: Том 85. Часть 1 / И.И. Панаев, В.А. Жуковский, П. А. Вяземский, П.А. Плетнев, А. С. Пушкин – М.: Книга по Требованию, 2016. – 552 с.

ISBN 978-5-518-02922-4

ISBN 978-5-518-02922-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СОВРЕМЕННОСТЬ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И (СЪ 1859 ГОДА) ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ 1847 ГОДА

Н. ПАНКОВЫМЪ И Н. НЕКРАСОВЫМЪ

—
ТОМЪ LXXXV
—

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАРЛА ВУЛЬФА

=
1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ , чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, декабря 29 дня 1860 года.

Цензоры: *В. Бекетовъ.* — *Ө. Рахмановъ.*

НА ВОЛГѢ.

(ДѢТСТВО ВАЛЕЖНИКОВА.)

I.

Не торопись, мой вѣрный песъ!
Зачѣмъ на грудь ко мнѣ скакать?
Еще успѣешь мы стрѣлять.
Ты удивленъ, что я приросъ
На Волгѣ: цѣлый часъ стою
Недвижно, хмурюсь и молчу.
Я вспомнилъ молодость мою
И весь отдаться ей хочу
Здѣсь на свободѣ. Я похожъ
На нищаго: вотъ бѣдный домъ
Тутъ можетъ подали бы грошъ,
Но вопъ другой — богаче: въ немъ
Авось побольше подадутъ —
И нищій мимо; между тѣмъ
Въ богатомъ домѣ дворникъ плутъ
Не надѣлилъ его ничѣмъ.
Вотъ домъ еще пышнѣй, но тамъ
Чуть не прогнали по шеямъ!
И, какъ нарочно, все село
Прошелъ — нигдѣ не повезло!
Пуста — хоть выверни суму.
Тогда вернулся онъ назадъ
Къ убогой хижинѣ — и радъ,

Что корку бросили ему.
 Бѣднякъ ее, какъ робкій песъ,
 Подальше отъ людей унесъ
 И гложеть.... Рано пренебрегъ
 Я тѣшъ, что было подъ рукой,
 И чуть не дѣтскою ногой
 Ступилъ за отческій порогъ.
 Меня старались удержать
 Мои друзья, молила мать,
 Мнѣ лепеталъ любимый лѣсъ:
 Вѣрь, нѣтъ милѣй родныхъ небесъ,
 Нигдѣ не дышется вольнѣй
 Родныхъ луговъ, родныхъ полей.
 И той же пѣсенкою полнъ
 Былъ говоръ этихъ кроткихъ волнъ.
 Но я не вѣрилъ ничему.
 Нѣтъ, — говорилъ я жизни той:
 Ничѣмъ не купленный покой
 Противенъ сердцу моему....

Быть можетъ, не достало силъ,
 Или мой трудъ не нуженъ былъ,
 Но жизнь напрасно я убилъ.
 И то, о чемъ дерзалъ мечтать,
 Теперь мнѣ стыдно вспоминать...

Всѣ силы сердца моего
 Истративъ въ пламенной борьбѣ,
 Не допросившись ничего
 У жизни ближнимъ и себѣ,
 Стучусь я робко у дверей.
 Убогой юности моей:

— Не помяни мнѣ дерзкихъ грезъ,
 Съ какими бросивъ край родной,
 Я издѣвался надъ тобой!
 Не помяни мнѣ глупыхъ слезъ,
 Какими плакалъ я не разъ,
 Твоимъ покоемъ тяготясь!
 Но благодушно что-нибудь,
 На чемъ бы сердцемъ отдохнуть

Я ногъ, пошли мнѣ. Я усталъ,
Въ себя я вѣру потерялъ,
И только память дѣтскихъ дней
Не тяготитъ души моей....

II.

Я росъ, какъ многіе, въ глуши,
У береговъ большой рѣки,
Гдѣ лишь кричали кулики,
Шумѣли глухо камыши;
Какъ ожерелье у воды,
Какихъ-то бѣлыхъ птицъ ряды
Сидѣли важно на пескѣ.
Виднѣлись горы вдалекѣ,
И синій безконечный лѣсъ
Скрывалъ ту сторону небесъ,
Куда, дневной окончивъ путь,
Уходитъ солнце отдохнуть.

Я страха съ молодю не звалъ,
Считалъ я братьями людей,
И даже скоро пересталъ
Бояться лѣшихъ и чертей.
Однажды няня говоритъ:
«Не бѣгай ночью — волкъ сидитъ
За нашей ригой, а въ саду
Гуляютъ черти на пруду.»
И въ ту же ночь пошелъ я въ садъ.
Не то, чтобъ я чертямъ былъ радъ,
А такъ — хотѣлось видѣть ихъ.
Иду. Ночная тишина
Какой-то строгостью полна,
Какъ-будто съ умысломъ притихъ
Весь Божій міръ — и наблюдалъ,
Что дерзкій мальчикъ затѣвалъ!
И какъ-то не шагало мнѣ
Въ всезрящей этой тишинѣ.
Не воротится ли домой?
А то какъ черти нападутъ
И потащатъ съ собою въ прудъ,

И жить заставятъ подъ водою?
 Однако я не шелъ назадъ.
 Играетъ мѣсяцъ надъ прудомъ
 И отражается на немъ
 Береговыхъ деревьевъ рядъ.
 Я постоялъ на берегу,
 Послушалъ — черти ни гу-гу!
 Я прудъ три раза обошелъ,
 Но чортъ не выплылъ, не пришелъ!
 Смотрѣлъ я межъ вѣтвей деревь
 И межъ широкихъ лопуховъ,
 Что поросли вдоль береговъ,
 Въ водѣ: не спрятался ли тамъ?
 Узнать бы можно по рогамъ.
 Нѣтъ никого! пошелъ я прочь,
 Нарочно сдерживая шагъ.
 Сошла мнѣ даромъ эта ночь,
 Но если бь другъ какой иль врагъ
 Засѣлъ въ кусту и закричалъ,
 Иль даже, спугнутая мной,
 Взвилась сова надъ головой —
 Навѣрно бь мертвый я упалъ!

Такъ любопытствуя давилъ
 Я страхи ложные въ себѣ,
 И въ бесполезной той борьбѣ
 Не мало силы погубилъ.
 Зато, добытая съ тѣхъ поръ,
 Привычка не искать опоръ
 Меня вела своимъ путемъ,
 Пока рожденнаго рабомъ
 Самолюбивая судьба
 Не обратила вновь въ раба....

III.

О, Волга! послѣ многихъ лѣтъ,
 Я вновь принесъ тебѣ привѣтъ.
 Ужь я не тотъ, но ты свѣтла
 И величава, какъ была.
 Кругомъ все та же даль и ширь.
 Все тотъ же видѣнъ монастырь

На острову среди песковъ,
 И даже трепетъ прежнихъ дней
 Я ощутилъ въ душѣ моей,
 Заслыша звонъ колоколовъ.
 Все то же, то же.... только нѣтъ
 Убитыхъ силъ, прожитыхъ лѣтъ!..

Ужь скоро полдень. Жаръ такой,
 Что на песокъ горятъ слѣды;
 Рыбалки дремлютъ надъ водой,
 Усѣвшись въ плотные ряды.
 Куютъ кузнечики; съ луговъ
 Несется крикъ перепеловъ.
 Не нарушая тишины
 Лѣнявой, медленной волны,
 Расшива движется рѣкой.
 Прикащикъ, парень молодой,
 Смѣясь, за спутницей своей
 Бѣжитъ по палубѣ: она
 Мила, дородна и красна.
 И слышу я, кричитъ онъ ей:
 «Постой, проказница! ужю
 Вотъ догоню!...» Догналъ, поймалъ, —
 И поцалуй ихъ прозвучалъ
 Надъ Волгой вкусно и свѣжо.
 Насъ такъ никто не цаловалъ!
 Да въ подрумяненныхъ губахъ
 У нашихъ барынь городскихъ
 И звуковъ даже нѣтъ такихъ.

Въ какихъ-то розовыхъ мечтахъ
 Я позабылся. Сонъ и зной
 Уже царилъ надо мной.
 Но вдругъ я стоны услышалъ
 И взоръ мой на берегъ упалъ.
 Почти пригнувшись головой
 Къ ногамъ, обвитымъ бичевой,
 Обутымъ въ лапти, вдоль рѣки
 Ползли гурьбою бурлаки,
 И былъ невыносимо дикъ
 И страшно ясенъ въ тишинѣ

Ихъ мѣрный похоронный крикъ —
И юность вновь предстала мнѣ.

О, Волга! колыбель моя!
Любилъ ли кто тебя, какъ я?
Одинъ, по утреннимъ зарямъ,
Когда еще все въ мѣрѣ спитъ
И алый блескъ едва скользаетъ
По темно-голубымъ волнамъ,
Я убѣгалъ къ родной рѣкѣ.
Иду на помощь къ рыбакамъ,
Катаюсь съ ними въ челнокѣ,
Брожу съ ружьемъ по островамъ.
То, какъ играющій звѣрокъ,
Съ высокой кручи на песокъ
Скачусь, то берегомъ рѣки
Бѣгу, бросая камешки,
И пѣсню громкую пою
Про удачу равнину мою....
Тогда я думать былъ готовъ,
Что не уйду я никогда
Съ песчаныхъ этихъ береговъ.
И не ушелъ бы никуда —
Когда бъ, о Волга! надъ тобой
Не раздавался этотъ вой!
Давно-давно, въ такой же часъ
Его услышавъ въ первый разъ,
Я былъ испуганъ, оглушенъ.
Я знать хотѣлъ, что значитъ онъ —
И долго берегомъ рѣки
Бѣжалъ. Устали бурлаки,
Котель съ расшивы принесли,
Усѣлись, развели костеръ
И межъ собою повели
Неторопливый разговоръ.
«Когда-то въ Нижній попадемъ?»
Одинъ сказалъ: — «Когда бъ попасть
Хоть на Илью....» — «Авось придемъ»
Другой, съ болѣзненнымъ лицомъ,
Ему отвѣтилъ: — «Эхъ! напасть!
Когда бы зажило плечо,

Поперь бы лянку какъ медвѣдь,
 А кабы къ утру умереть —
 Такъ лучше было бы еще!... »
 Онъ замолчалъ и навзничъ легъ.
 Я этихъ словъ понять не могъ ;
 Но тотъ, который ихъ сказалъ ,
 Угрюмой, тихой и больной ,
 Съ тѣхъ поръ меня не покидалъ ;
 Онъ и теперь передо мной:
 Лохмотья жалкой нищеты ,
 Изнеможенные черты
 И выражающій укоръ
 Спокойно-безнадежный взоръ....

Лишь поздно вечеромъ домой,
 Безъ шапки, блѣдной, чуть живой
 Я воротился. Кто тутъ былъ —
 У всѣхъ отвѣта я просилъ
 На то, что видѣлъ, и во снѣ
 О томъ, что рассказали мнѣ
 Я бредилъ; няню испугалъ:
 «Сиди, родименькой, сиди!
 Гулять сегодня не ходи!»
 Но я на Волгу убѣжалъ.

Богъ-вѣсть что сдѣлалось со мной?
 Я не узналъ рѣки родной!
 Съ трудомъ ступаешь на песокъ
 Моя нога: онъ такъ глубокъ,
 Ужъ не манить на острова
 Ихъ ярко свѣжая трава,
 Прибрежныхъ птицъ знакомый крикъ
 Зловѣщъ, пронзителенъ и дивъ,
 И говоръ тѣхъ же самыхъ волнъ
 Не тою музыкою полнъ!

О, горько, горько я рыдалъ,
 Когда въ то утро я стоялъ
 На берегу родной рѣки,
 И въ первый разъ ее назвалъ
 Рѣкою — — и тоски!...

О чемъ въ ту пору я мечталъ,
 Безсонный, въ темнотѣ ночей,
 Какія клятвы я давалъ —
 Пускай умретъ въ душѣ моей,
 Чтобъ кто нибудь не осмѣялъ!

Но если вы — наивный бредъ,
 Обѣты юношескихъ лѣтъ,
 Зачѣмъ же вамъ забвенья нѣтъ?
 И вами вызванный упрекъ
 Такъ сокрушительно жестокъ?...

IV.

Унылый, сумрачный бурлакъ!
 Какимъ тебя я въ дѣтствѣ зналъ,
 Такимъ и нынѣ увидалъ.
 Все ту же пѣсню ты поешь,
 Все ту же ляжку ты несешь,
 Въ чертахъ усталого лица
 Все тажъ покорность безъ конца....

— —
 Отецъ твой сорокъ лѣтъ стоналъ,
 Бродя по этимъ берегамъ,
 И передъ смертію не зналъ,
 Что заповѣдать сыновьямъ.
 И какъ ему — не довелось
 Тебѣ наткнуться на вопросъ:
 Чѣмъ хуже былъ бы твой удѣлъ,
 Когда бъ ты менѣе терпѣлъ?
 Какъ онъ, безгласно ты умрешь,
 Какъ онъ, безъводно пропадешь.
 Такъ замѣтается пескомъ
 Твой слѣдъ на этихъ берегахъ,
 Гдѣ ты шагаешь подъ ярмомъ
 Не краше узника въ цѣпяхъ,
 Твердя постылыя слова
 Отъ вѣка тѣ же: разъ да два!
 Съ болѣзненнымъ припѣвомъ: «ой!»
 И въ тактъ мотая головой....